

КРИТИКА НУЛЕВЫХ: СПОСОБЫ САМОПРЕЗЕНТИЦИИ

Нуждова Д.А.

научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю.А.

Сибирский федеральный университет

С началом каждого нового века или тысячелетия принято связывать обновление литературного процесса. И начало XX века не стало исключением – появились такие понятия как «литература нулевых» и «критика нулевых».

На протяжении двух последних веков критика в России была неотъемлемой и равноправной участницей литературного процесса, существенно влияла на движение общественной мысли, порой претендовала на статус «философии современности», ее престиж был традиционно высок. С конца 1980-х годов ситуация кардинально изменилась. Возникла растерянность перед большим количеством новых имен и новых произведений, перед полифоничностью литературного процесса. «Прежде интерес к “хорошему чтению” подогревался запретами, доносительными статьями, опалой авторов. Запреты кончились, императив “надо прочитать” лишился силы. Этого властного когда-то “надо” нет у “нового реализма”... исторический перелом 80-90-х годов привел к дальнейшей поляризации читательских вкусов, подчас – смене кумиров, к сокращению читательской аудитории, ее дроблению», – справедливо отмечает критик и прозаик В. Кардин.

Об открытии поколения профессиональных читателей, отличающихся новым критическим мышлением, говорит Р.Сенчин в предисловии к антологии «Новая русская критика. Нулевые годы» (2009 г.), в которой он обозначает типологические особенности новой критики «нулевых» и формирует у читателя представление об уникальности и, одновременно, закономерности обновления критического мышления. Задача Сенчина – провозгласить новый этап литературного процесса.

Наша задача – выяснить, оправдано ли выделение «критики нулевых» как принципиально нового явления в литературе и как репрезентируют себя сами новые критики в своих текстах.

Создавая миф о «новой критике», Р.Сенчин «вписывает» её в литературный процесс, генетически относя к периодам расцвета в русской критике. По его мнению, «нулевые» годы – это не только переломный этап, но и этап обновления. «Без преувеличения можно сказать, что сегодня мы переживаем расцвет литературно-критической мысли, быть может, сравнимый с 60-ми годами XIX века <...>, 60-ми годами XX-го...», – говорит он. Современные критики ставятся в один ряд с классиками литературно-критической мысли (Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Кожин, Аннинский). Такая параллель повышает статус «новой» критики в глазах читателя, задает установку на восприятие последующих текстов как концептуально важных, значимых культурных фактов. Но разве можно сравнить современную читательскую аудиторию с читательской аудиторией 60-х-начала 90-х годов XX века? У критики по-прежнему нет статуса стержня «толстого» журнала, она не является трибуной социальных, эстетических идей. Также спорны следующие суждения Р. Сенчина: «Впечатляет география. Молодые критики <...> живут не только в Москве <...>. Это значит, что у нас вновь, после культурной раздробленности 90-х, появилось единое литературное поле, происходит обмен идеями, мыслями...». Существование многообразной и эклектичной сетевой литературы и критики, столкновение стратегий литературных премий и моделирования литературного поля «толстяками» разных идеологических позиций, эстетический плюрализм художественных практик не дает право говорить о единстве литературного поля.

Сенчин также заявляет о значимом статусе критика в обществе. Если в 90-е годы критики были не востребованы и практически забыты, не имели влияния на читателя, то «новый» критик должен стать наставником и проводником, «властителем дум», а не просто советчиком, он должен своими высказываниями влиять на реальность. И многие критики придерживаются той же позиции. «Реальность – это то, что должно быть преобразено», – говорит критик Валерия Пустовая. Профессионализм – также важное свойство «нового критика». Дарья Маркова считает, что предназначение критика – быть картографом. Если он – профессионал, он, в отличие от обычного читателя, должен замечать и отмечать все явления вне зависимости от собственных пристрастий и предпочтений. «Не любить, восхищаться, оставаться равнодушным – пожалуйста, но не игнорировать, не делать вид, что того или иного писателя или произведения не существует в природе».

Но сами критики зачастую неопределенно высказываются о статусе критика, противоречат создаваемому мифу. К примеру, М. Свириденков выражает сомнение в том, что написанное слово сейчас имеет влияние на мысли людей. *«Слова сегодня потеряли свою настоящую ценность. Каждый дурак может взять ручку и начертать десяток предложений <..>, твердо зная, что за это его не посадят».*

Новых критиков связывают с интересующим их объектом – «новым реализмом». Почти все статьи сборника так или иначе касаются этой проблемы. Сергей Сиротинин, автор статьи «Искушения новой критики» считает, что «отношение к “новому реализму” невольно становится отправной точкой самоидентификации молодых критиков – возможно, в этом и состоит вся его специфика». Алиса Ганеева в статье «И скучно, и грустно» дает такое определение: *«Новый реализм — это литературное направление, отмечающее кризис пародийного отношения к действительности и сочетающее маркировки постмодернизма (“мир как хаос”, “кризис авторитетов”, акцент на телесность), реализма (типичный герой, типичные обстоятельства), романтизма (разлад идеала и действительности, противопоставление “я” и общества) с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность, искания, неудовлетворенность и трагический жест».*

Мнения критиков по этому вопросу разделились. Критики, горячо отстаивающие права нового направления на существование, – Сергей Шаргунов, Валерия Пустовая, Андрей Рудалев. «Я повторяю заклинание: новый реализм!» – говорит С. Шаргунов в статье «Отрицание траура», ставшей манифестом не столько нового литературного направления, сколько нового поколения критиков.

По мнению А. Рудалева, «новый реализм» – это сила протеста, оппозиция, альтернатива, свидетельствующая о том, что мир вокруг нас может и должен меняться. «Русское» – это единственно возможная государственная идеология и «новый реализм» иллюстрирует этот тезис и находится в предчувствии появления нового русского героя.

Но существуют и критики, скептически относящиеся к явлению «нового реализма». Это Сергей Беляков, Наталья Рубанова, Дарья Маркова, Сергей Чередниченко. Они заявляют об «искусственности» этого направления.

«В статье “Стратегически мы победили” (кого?) Шаргунов не очень-то убедителен (или лишь для юных идеалистов-максималистов), а от слов “Курс намечен” явно пахнет гнильцой: что за курс, кем намечен, какого черта? “За дело!” — призывает “новый...” (кто?..). Ужас-ужас, еще и в повелительном наклонении... И опять этот “новый реализм” с жалкими попытками “внимательного обращения к нержавеющим золотым принципам словесности (типажи, психологизм), трезвый пристальный взгляд на повседневную и общественную деятельность...” — как будто старый учебник читаешь! Снова хочется проветрить помещение, тем более что спектакля опять не будет: определено, “нас всех тошнит” — негодует Наталья Рубанова в статье «Килограммы букв в развес и в розлив». Вторит ей С. Беляков, считающий, что группа критиков, много писавших о новом реализме,

превратила это словосочетание в бренд и с помощью него попыталась «управлять самим литературным процессом». Сергей Чередниченко постарался в очередной раз обосновать идею, что «новый реализм» – течение искусственное, без определённых признаков новизны, что новые реалисты подверглись ряду искушений (писать, как будто до них никого не было; стремление идти толпой). Такая бурная полемика позволяет нам судить о том, что один из самых эффективных способов самопрезентации новых критиков – это критика другого. Противопоставление своей точки зрения чужой помогает «новым критикам» четко выделить своё отношение к литературному процессу, свое мировоззрение.

Публика устала от постмодернизма, и поэтому заявление «Мы – не постмодернизм» уже, вероятнее всего, вызовет у читателей заинтересованность. При помощи «критики другого» такие авторы, как С. Шаргунов и Н. Рубанова выражают своё отношение к этому литературному направлению. Если Рубанова критикует постмодернизм скорее субъективно: «Однако культура постмодернизма, как известно, — всего лишь культура неприятия однообразия и догмы, в которой все “ставится на уши”», то Шаргунов может противопоставить постмодернизму «новый реализм». По его словам, постмодернизм дичится нарождающегося настоящего, смеясь, расстаётся с прошлым, не вписывается в современные реалии, тогда как творчество «новых реалистов» органично вписывается в действительность. «Постмодернисты — чем дальше, тем больше — оборачиваются не очистительной силой, а литературоведческим безвредно хихикающим кружком. По интересам этот кружок — сверххархаичен. А как же? Если то, что вы пародируете, — устарело, то ваша пародия — вдвое архаичнее. Постмодернист — змея, кусающая себя за хвост».

Критики «нулевых» также самопрезентуют себя в контексте своего отношения к историческим путям развития страны. Нулевые годы – период повышения уровня гражданской активности населения. Поэтому заявление о том, что «новый критик» - это активный гражданин рассчитано на повышение его статуса в обществе. Р. Сенчин в предисловии к антологии пишет: «Что удивительно, большинство критиков нового поколения — государственники. Они хотят видеть Россию крепкой, сильной, народ богатым и духовно, и материально, людей — активными гражданами». М. Свириденков, к примеру, действительно видит литературу как орудие противостояния власти. Так, в статье «Ура, нас переехал бульдозер!» читаем: *«К примеру, в моем городе даже крупных начальников из силовых ведомств бандиты могут безнаказанно расстреливать посреди белого дня. И поэтому мне стыдно за людей, обвиняющих новых писателей в любви к “чернухе”. По-моему, молодые просто пишут правду (обязаны ее писать!), и лучше помолчать в тряпочку критикам, которые относятся именно к тому поколению, что равнодушно (или даже одобрительно?) смотрело на далеко не всегда умные действия властей, а теперь сквозь розовые очки взирает на то, что получилось в результате».* Но, тем не менее, новые критики мало интересуются политикой, реально существующей ситуацией в стране. Такие критики, как В. Пустовая, рассуждают о дальнейшей судьбе России скорее с мистико-философской точки зрения, мало внимания уделяя социальной проблематике произведений: *«Россия будущего и есть — распрямившееся, избавившееся от искажений, истинного цвета пространство, где все люди наконец совпадут с собой и друг с другом, и реальность, от которой отреклись, будет прощена и принята <...> Стоящие произведения о судьбе России, пожалуй, сегодня можно отличить именно по прикосновению к этой глубочайшей тайне русской жизни: писатели ставят вопрос не о существовании нашего будущего, а о самом его существовании».* По словам Марты Антоничевой, «Единственное, чего лишена теперь зарождающаяся, или вырастающая из пепла прошлых веков “реальная критика”, так это социально-политической наполненности. Того, что, по сути, составляло одну из главных её особенностей:

желание “образовывать умы”, развивать читателя, менять историю.<...> Поэтому современная критика и выглядит так наивно-бессмысленно на фоне деятельности того же Добролюбова или Писарева».

«Критики нулевых» смело заявляют о себе как о совершенно новом явлении в литературном процессе. Они обозначают своё видение литературы нулевых, мнение по поводу перспектив развития литературы и критики в России и роли критика в современном культурном пространстве. Но ни текст предисловия, ни тексты критиков периода «нулевых» не дают, на наш взгляд, оснований делать вывод о том, что с началом нового века рождается новый профессиональный читатель, который принципиально перестраивает саму модель критической деятельности. Сопоставление нового периода в истории критики с годами расцвета, подчеркивание значимого статуса критика, различное отношение к «новому реализму», полемика с постмодернизмом и акцент на гражданской активности критика служат для создания мифа о «новой критике».